

Валерий Большаков

Целитель-7

Валерий Петрович Большаков

Целитель-7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68627674

SelfPub; 2024

Аннотация

Миша Гарин обретает новые способности и щедро делится своей энергией с подругами – создается эгрегор, умножающий Силу. И вовремя, ибо целитель обретает могущественных врагов. Но хватит ли стойкости у девушек? И поможет ли ему наставник?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Валерий Большаков

Целитель-7

ПРОЛОГ

*Понедельник, 8 августа 1977 года. После обеда
Куба, Варадеро*

«Море смеялось...» Не помню уж, где я подхватил эту строчку, но мне всегда хотелось начать именно с нее. А к нашему медовому месяцу на «Острове Свободы» сие изречение подходило идеально, звуча, как удачный слоган.

Море смеялось даже в ненастье – сезон дождей, хоть и заканчивался в августе, но ливни шуровали строго через сутки, начинаясь, как по расписанию, ровно в час дня.

Только что жарило белое солнце – и вдруг небо темнело, словно занавеска задерживалась. Набегавшие тучи выжимали из себя первые капли, крупные и тяжелые – с вишню. И сразу – лавина теплой воды! Отбушевав, ливень прекращался так же внезапно, как и начинался. Маревое испарений вставало над землей, и лишь кондиционер в номере спасал от духоты.

Мы с Ритой заселились в отель «Варадеро Интернасьональ». Нас пугали змеями, скорпионами и мохнатыми, с ла-

донь величиной, пауками аранья, но никакой живности, кроме крылатых муравьев размером чуть больше осы, нам не попадалось.

Отель притулился к Авениде Примера, растянувшейся километров на двадцать вдоль океана. Тихо, чисто и скучно. Улица чаще всего пустовала, лишь изредка ее оживляли антикварные авто, словно сбежавшие из музея – «Форды», «Бьюики», «Шевроле» пятидесятих годов. Прокатят мимо, сипя дряхлыми движками – и тишина...

Правда, все эти пустяки совершенно не трогали Риту. С самого утра она бежала к океану. Атлантика – под боком! Выходишь из отеля – и вот они, бездонные разливы берилла или топаза – смотря, какая погода на дворе. Необъятный пляж из мельчайшего белого песка распахивался сразу за чередой пальм.

Жара частенько спадала, под ветром даже зябко делалось, зато вода прогревалась до плюс тридцати. Окунуться в небывало прозрачные волны, рвануть сажёнками, отфыркиваясь по-тюленьи – это мне нравилось. Но еще больше я любил валяться в шезлонге, наблюдая за тем, как самозабвенно резвится Рита, плескаясь русалкой. А самое шикарное видение случалось в финале зрелища, когда девушка, вдоволь накупавшись, выходила на берег.

В этот момент я даже темные очки снимал, чтобы вобрать зрением «рождение Афродиты». Ступая длиннущими ногами и в меру вертя попой, Рита являла себя народу, тая в

глазах немного снисходительную улыбку. Две синих ленточки бикини больше подчеркивали, чем скрывали, привлекая внимание к спрятанному от чужих глаз...

...Гибко изогнувшись, девушка присела в соседний шезлонг. Ее рука сразу нащупала мою, и наши пальцы переплелись.

– Хорошо! – выдохнула Рита. – Правда?

– Истинная, – улыбнулся я, снова надевая черные очки, – беспримесная.

– Слуша-ай, – в голосе моей суженой прорезалась слабая надежда. – А ты, случайно, «Рефреско» не захватил? Жажда обуюла!

– Так ты ж бутылку выкинула.

– Да не выкидывала я! В урну бросила...

– Вот! – наставительно поднял я палец. – А по здешним правилам, лимонад или пиво можно купить, только сдав бутылку.

– Дурацкие правила! – сердито пробурчала Рита. – И даже «зеленый» не поможет?

– Бесполезно.

На Кубе мы песо не пользовались, платили «красными» сертификатами «А» и «зелеными» с литерой «В». Последние были весомее. Двадцать пять песо (а это ползарплаты кубинца) равнялись пяти «красным» сертификатам, или одному «зеленому».

– Разве что долларом поманить... – подал я идею. – Баксы

еще зеленее!

– Нетушки! Ладно, перебыюсь как-нибудь...

Девушка отвернула голову, следя прищуренными глазами за колыханьем перистых листьев пальм.

– Знаешь... – Ритины губы дрогнули, продавливая ямочки. – Самое приятное, когда выходишь на берег, это перехватить твой взгляд, – белые зубки сверкнули лукавой улыбочкой. – Тебя до того тянет, ты хочешь так неприкрыто...

Жадной пятерней я провел по Ритиной спине, дотягиваясь до влажных плавочек.

– М-м? – отозвалась жена, потягиваясь.

– Есть хочешь? – спросил я вкрадчиво.

– Хочу, хочу! – вдохновилась девушка. – Лангуста на гриле! И чтоб пина-колада!

– В «Лас-Америкас»?

– Ага!

– Ну, пошли... Только море смоем, – я неуклюже пошутил: – А то засолимся, как две селедки!

– Обяза-ательно! – сладко улыбнулась Рита. – Залезем в ва-анну... Ты мне потрешь спи-инку... Вытремся, а пото-ом...

– Пошли скорее! – я спустил на песок хихикавшую женушку, и вскочил, не чуя и следа недавней разморенности.

– Побежали!

Зазывный девичий смех рассыпался, позванивая хрустальным колокольчиком, и затерялся в шелесте пальм.

Там же, позже

Обожаю тропические закаты! Вечернее море не впечатляет, от слова «совсем», зато небо пылает чистейшими, роскошными красками – цвета перепадают от насыщенного лимонного тона до царственного пурпура.

Гаснет день – и только угольно-черные силуэты пальм чеканно вырисовываются на пламенеющем фоне. Темные волны накатываются на берег, с шуршаньем перебирая песок, а океан как будто прячется за подступающей чернотой ночи, донося мощное влажное дыхание.

В такие томные вечера лучше всего разумеешь смысл тутошнего слова «маньяна»,¹ сущего девиза всей Латинской Америки. Его лениво тянут и мексиканцы, и эквадорцы, и кубинцы. Лежишь в сладостном ничегонеделаньи, дремотно созерцая мир... Тебе удобно, тепло, хорошо... И бутылка рома под рукою...

«Пошли, поработаем ударно!» – звучит энергичный голос Человека-которому-больше-всех-надо.

«Маньяна...»

«Да пошли!»

«Да маньяна же...»

Откинувшись в шезлонге, я переваривал хвосты лобстера, и благодумствовал.

¹ Маһана (исп.) – завтра.

– Пойду, окунусь! – не утерпела Рита, пружинисто вставая.

– Поздно уже, – я беспокойно заерзал.

– Ну, разо-очек!

– Да плыви уж... – мои губы недовольно скривились, и тут же расплылись, поймав благодарный поцелуй.

Смутно видимая девичья фигура растворилась в сумраке, а мне вспомнилась Ритина оговорка за ужином. Девушка просто не смогла удержать в себе новость – и выложила ее «на десерт», виновато хлопая ресницами:

«Мама дозвонилась... Инка родила под утро. У нее мальчик!»

Во время «десерта» я испытал фантомные боли былой измены, но их совершенно подавили Ритины чувства – моя жена расстроилась. Из-за муженька! А то как же... Мишеньке, видите ли, неприятно вспоминать о давнем прегрешении!

А у Мишеньки даже глаза запекло... Как бухнется на колени, как примется ноги своей половинке целовать, да уверять истово, что она – святая, ангелица, влюбившаяся в беса, похотливого и нечистого...

...Вздыхнув благостно, я загляделся на темнеющую даль, представляя Москву, роддом на проспекте Калинина, Инну, измучанную и счастливую... И сверток с лупатым дитём, что ворочается неподалеку, чмокая соской. Мальчик... Мой сын.

Радости не было. Но и то бестолковое ошеломление, что

я впервые испытал сорок лет назад при встрече с новой жизнью, не лишило меня покоя. Помню, прекрасно помню. И дочь, и внучек. Они остались там, в неразличимом будущем. Хотя... Кто ж его знает, это время? Могли и не родиться...

Я дернул головой, словно вытряхивая из нее беспокоящие мысли. А Инночка...

Всё должно было произойти совсем-совсем иначе! Инка в невестинном платье, и я рядом на свадебном фото... И еще один снимок из семейного альбома – гордая Хорошистка доверяет мне чадо, закутанное в одеяльце... Но не вышло.

«И хорошо, что мы расстались, – подумал я. – Иначе...»

Мои зрачки тревожно забегали, отыскивая Риту. А, вон она, плещется... Может, и правда, любовь к Инне была лишь наваждением?..

Вдоль пальмовой аллеи зажглись яркие фонари, приманивая бабочек, гуляющие парочки и самодеятельных музыкантов в сомбреро.

Краем глаза я заметил высокого седого старика в дорогом сером костюме, и в того же цвета туфлях. Наверное, потому и заметил, что не ожидал встретить на пляже тепло одетого купальщика. Пиджак, правда, отдыхающий снял и повесил на руку, но все равно, при одном взгляде на него становилось жарко.

А старикан миновал маленький оркестрик расфуфыренных марьячос, наяривавших на гитарах, и направился прямо ко мне.

– Вы позволите? – слегка поклонился он, и со вздохом облегчения занял пустующий шезлонг. – Не удивляйтесь моему наряду, – слабая улыбка шевельнула подбритые усы. – За всю свою жизнь так и не научился плавать! А загорать не люблю. Тупо лежать, впитывая ультрафиолет, подобно овощу на грядке? Благодарю покорно, мне времени жаль! – старый в затруднении потер выскобленный подбородок. – Простите за невольную навязчивость... Вы офицер?

– Да нет, – пожал я плечами. – Мы тут отдыхаем... с женой.

– А я – в Лурдесе! – живо подхватил нечаянный собеседник. – Отдыхаю, хе-хе... Меня зовут Игорь Максимович. Большой специалист из столицы нашей родины. К-хм... «Родина слышит, родина знает...», – фальшиво напел он. – На Кубе я... э-э... скажем так – в служебной командировке. А вас как величать?

– Михаил. Из Москвы. Тоже, – вытолкнул я в телеграфном стиле.

– Будем знакомы, – мягко сказал Игорь Максимович. – Вчера я стал невольным свидетелем... м-м... ну, не важно. Ваша очаровательная супруга порезала ножку, наступив на раковину, и вы залечили ранку наложением руки. Вы – целитель?

Я уныло вздохнул, чувствуя подступающее раздражение.

– Нет-нет, – покраснел новый знакомый, – я не из тех, кто ищет знахарей! Сам сподобился врачевать, аки Христос. Нам

не помешало бы встретиться, Михаил... М-м... На родине. Вы не против?

– Ну-у, вообще-то, нет, – затянул я. – А зачем?

– Хм. Как бы тут... Нет, лучше с глазу на глаз. Давайте, второго октября на Пионерских прудах, в шесть вечера? Побуду немного Воландом! Согласны?

– Согласен.

– До осени! – странный старик неожиданно упруго встал, и пропал за шелестом пальм.

Я закрыл глаза и откинул голову, моргая на алые полотнища заката. Перебивая шум набегающих волн, зашуршал песок под босыми ногами Риты – и мокрая, холодная русалка уселась ко мне на колени.

– Согрей меня! – по-детски тонкий голос был призван разжалобить суровую мужскую натуру.

– Лягушка! – заворчал я, обнимая свою красу ненаглядную.

– Царевна! – важно добавила девушка. И прижалась, и задышала в шею...

«Всё будет хорошо! – оттаял я от надуманных скорбей. – Вот увидишь!»

Глава 1.

*Среда, 14 сентября. День
Тель-Авив, Керем-Ха-Тейманим*

По прилету в «Бен-Гурион» Марина не стала задерживаться и дожидаться обещанного трансфера, а взяла такси «Гило». Белая новенькая машина подкатила тут же. Обходительный таксист-еврей мигом отправил чемодан прелестной пассажирки в багажник, и с поклоном распахнул дверцу.

– Шви, гвэрет!

Отделавшись дежурным «Мерси!», Ершова устроилась на заднем сиденье, следя за тем, чтобы посадка выглядела позыщней. Она снова примеряла на себя образ восточной принцессы, грациозной и немного загадочной – хиджаб цвета пустыни, расшитый мелким жемчугом, и длинное платье абайя смутно очерчивали фигуру, разжигая извечную мужскую тягу.

Ага, водитель сражён. Усмехнувшись неласково, Марина покосилась в боковое зеркальце – неприметные парнишки, выделенные Григой для охраны его драгоценной, занимали места в облупленном «фордике». Женские губы победительно дрогнули – да, она верно вычислила своих «прикрепленных». Именно эти «три мушкетера» сидели рядком в эконом-классе – и старательно отводили глаза, делая вид, что знать ее не знают...

– Куда, мадам? – бархатисто спросил шофер.

– Тель-Авив, Керем-Ха-Тейманим.

Машина тронулась и покатила к городу, а Маринины мысли вернулись в прежнее русло. Грига давно добивался ее, но

как же робок он был в первую брачную ночь! Гладил, едва дыша, как будто не атласная кожа скользила под его ладонями, а тончайший фарфор. Хотя, если честно, столь трепетное отношение нравилось ей.

Молодая женщина задумалась, рассеянно посматривая за окно, где никли ветви древних олив и финиковых пальм. Грига...

Если честно, из них двоих любит он один, а она милостиво позволяет любить себя... Ну, тут можно завести шикарный разговор про сердечные дела, про отношения, вот только стоит ли? Нелишне помнить, что ничего вечного в человеческой жизни не бывает, и амурный пыл затухнет пару лет спустя. Иным, правда, везет – любовь тлеет долгие годы, согревая нежным теплом.

Миша... Губы Ершовой дрогнули, продавливая ямочки на щеках. Похоже, иногда человек совершает ошибки, полагая, что у него несколько сроков жития. Нет, дружок, всего лишь один, один-единственный, и все эти бодрые обещания начать новую жизнь – не более, чем самообман. А старую ты куда денешь? Вычеркнешь из памяти? Не получится...

Пожалуй, Мишечка смог бы сделать ее счастливой, и семь лет разницы в возрасте не такая уж роковая цифра. Вопрос в ином – обрел бы он сам счастье рядом с Мариной Гариной? Ответ отрицательный...

Показался Тель-Авив, скопище ультрасовременных небоскребов и кварталы старых обшарпанных домов. Такси углу-

билось в путаницу улиц, выворачивая к высоченной стене, ограждавшей внутренний двор. Через каменную кладку, вскипая изумрудной пеной, переливались плети чего-то цветущего и тропически яркого, касаясь пахучими фестонами солидной двери, сколоченной из дерева и обитой позеленевшими полосами бронзы.

– Приехали, мадам.

Натянув скупую улыбку, Ершова расплатилась. Таксист бережно опустил на тротуар чемодан таинственной незнакомки, и был таков. Зато в тени кипарисов притормозил скромный «Форд».

Не обращая внимания на телохранов, Марина нажала кнопку, вделанную в камень. Дверь отворил невысокий парень с кривой шеей. Тряхнув копной выгоревших волос, обронил, впуская гостью:

– Мармарин?

Ершова хотела отделаться небрежным кивком, но перехватила холодный, бестрепетный взгляд «привратника», и сдержанно ответила:

– Да, это я.

– Хозяин ждет вас, – молодчик говорил на чистом русском, разве что со слабым гортанным призвуком. – Позвольте...

Отняв у Марины багаж, он проводил ее во внутренний дворик, с трех сторон окруженный крытыми галереями то ли в римском, то ли в мавританском стиле. Посреди дво-

ра журчала вода, брызгаясь и переполняя древнюю мраморную чашу, но еще выше фонтанировала буйная глянцевая зелень, обвивая тонкие колонны, а кое-где заплетая балюстраду верхнего этажа.

Из тени колоннады выскочила миловидная девушка, обряженная в потертые джинсы и яркую майку, с которой скалился Фредди Меркьюри.

– Шалом! – залучилась она. – Меня зовут Яэль!

– Мармарин, – улыбнулась в ответ Ершова.

– Ой! – засуетилась Яэль. – Дедушка ждет вас! Ари, отнеси, пожалуйста, вещи наверх, ладно?

– Ладно, – добродушно проворчал Ариэль, с удовольствием слушаясь внучку хозяина.

– Пойдемте! – позвала Яэль из тени галереи. – Дедушка с самого утра в кабинете.

Марина кивнула, шагая в тень. Страху не было, но напряженность жила в теле, немного сковывая движения, зато обостряя зрение и слух. Да и «Беретта» в дорогушей сумочке приятно оттягивала руку. А если вытянуть пудреницу, и щелкнуть зеркальцем, «мушкетеры» ввалятся сюда, стреляя во всё, что движется...

Подойдя к высокой двери, внучка прислушалась, и кивнула:

– На месте! Входите, Мармарин...

– Спасибо, – «Мармарин» перешагнула порог.

Кабинет Рехавама Алона больше подходил ученому, чем

матерому разведчику. Кроме древних свитков Торы, на полках красовались статуэтки ушебти, мумия крокодильчика и еще какие-то артефакты, исходившие древностью. А вот на большом письменном столе из черного дерева красовалась новенькая микроЭВМ «Коминтерн-2» с экспортным лейблом Sovintel.

Хозяин кабинета как раз был занят тем, что выстукивал одним пальцем по клавишам, набирая текст. Поразительно, но Алон выглядел свежее и бодрей, чем пару лет назад, когда «отдыхал» во внутренней тюрьме КГБ. Конечно, возраст есть возраст – морщины на его челе не разгладились, а седина не налилась молодой чернявостью. И все же от старика за столом исходила энергия и спокойная сила. Тут Рехавам поднял взгляд – в нем проскальзывали ирония и твердость, – а затем зрачки потемнели узнаванием.

– А-а, Сара! – усмешливо воскликнул Алон, вставая. – Она же Марина, она же Мармарин, она же «Росита»! Рад, очень рад! Присаживайтесь, мадмуазель!

– Мадам, – прохладно улыбнулась Ершова, занимая плетеное кресло из ротанга.

– Поздравляю! – Рехавам, как в молодости, присел на краешек стола, и заговорил прочувствовано: – Нет, я в самом деле рад, Марина. И вашему доверию, и... Знаете, мне очень импонирует, что вы тоже, в свое время, поддержали Миху.

– Для вас это важно? – молодая женщина сняла хиджаб и поправила прическу.

– Очень, – серьезно ответил Алон. – Но воспоминаньям предадимся после, а сейчас к делу. Прежде всего, мадам... Здесь вы в полной безопасности. Вашу охрану за периметром я видел, но она вам не понадобится, гарантирую. Да! В моем доме нет никаких «жучков» и звукозаписывающей аппаратуры. То, что я расскажу вам, останется строго между нами. Это раз. Приглашение свое я послал, как частное лицо. Да, я по-прежнему числюсь советником директора Моссада, но у меня своя сеть информаторов, и даже личный спецназ. Ари, что встретил вас, один из моих «гвардейцев». Это два. И последнее в моем растянутом предисловии... Третья, и основная причина того, что я вызвал на randevу именно вас, заключается в чине Григория Ершова. Пост директора 5-го Управления Спецбюро «Мухабарат» – это не только успешное продвижение по службе, но и хорошее отношение президента Аль-Бакра. Насколько я понимаю, «пятерка» занята контрразведкой...

Тревога разошлась по нервам, холодя.

– И... что? – Марина пристально взглянула в глаза Алону.

– Считайте, я помогаю вашему мужу подняться по карьерной лестнице еще выше, – усмехнулся визави. – Пускай шагнет сразу через три ступеньки! Читайте! – он протянул женщине распечатку. – Это расшифровка сообщения, которое я получил от Михи. Видимо, он снова не хочет действовать официально, как тогда, с Бжезинским...

– Ах, вот как? – «Росита» сощурила черные глаза. – Зна-

чит, это вы его?

– Мы его, – кивнул Алон. – Читайте, читайте...

С очаровательной гримаской «Росита» поднесла листок к глазам.

Шалом!

Обращаюсь к вам лично, поскольку не уверен, примут ли мое предложение в КГБ. А дело важное, даже очень. Ваши главные враги, рабби, отнюдь не палестинцы и прочие террористы. Всех этих беспредельщиков спонсируют саудиты, разжиревшие на нефти – и творящие пакости всему Ближнему Востоку.

А нынче саудовская разведка готовит переворот в Северном Йемене.

11 октября должен быть убит президент Ибрагим Мохаммед аль-Хамди. Убийство организуют вице-президент и начальник Генштаба Ахмед Хусейн аль-Гашими, премьер Абдельазиз Абдель Гани, член правящего Совета военного командования Абдель Алим, плюс Али Абдалла Салех, имеющий в подчинении танковую бригаду и десантников. Исполнят злодеяние головорезы из просаудовского племени Аль-Ахмар.

Жизненно важно раскрыть заговор! Не буду советовать, рабби, но думаю, будет достаточно следить за вышеперечисленными персонажами и племенной верхушкой. Местные, особенно детишки и слуги, отследят всех – за бакиши,

разумеется. Подслушка и захват кураторов-саудитов живьем приветствуются)))

Зачем Израилю вмешиваться? Ну, хотя бы затем, что попытка убийства главы государства и участие в госперевороте – однозначный повод для объявления войны Эр-Рияду! Тем более что йеменцы – самые воинственные из арабов.

Рабби! Понимаю, что задал сложную задачу. Свяжитесь с той, кого вы держали за Сару. Доверьтесь, и **у нас** все получится!

Миха.

– Миша выделил слово «у нас»... – Марина вертела в пальцах распечатку. – И... как? Вы готовы?

– Готов, – четко выговорил Алон.

– Ну, что же... Откровенность за откровенность, – Ершова удобно откинулась на скрипучую спинку кресла. – Мы тоже получили послание от Михи. Оно уже запустило целую серию процессов в спецслужбах Ирака, в правительстве и у военных, поэтому выкладывать всё содержание «нашего» письма я не вправе. Но добавлю немного подробностей вот к этому, – она неторопливо вернула расшифровку. – Очень кстати образовалась социалистическая федерация Аден – Могاديшо – Аддис-Абеба – Асмэра. Православным эфиопам в Аравии делать нечего, а вот правоверные сомалийцы

и южные йеменцы вполне могут подкрепить северян Аль-Хамди...

– Как «китайские добровольцы» в Корее, – тонко улыбнулся Рехавам.

– Именно! – энергично кивнула Марина. – Аль-Хамди хотел объединиться с Южным Йеменом – ну, и отлично! Если Сана и Аден подпишут договор, то помогать войсками можно будет вполне легально. А уж когда всё начнется... Йеменские войска в Асире, Джизане и Наджране встретят, как освободителей! Дальше – больше... Вы только представьте себе: йеменцы с юга, а иорданцы с севера очищают от саудитов весь Хиджаз! Думаю, король Хуссейн не откажется вернуть родовые земли и вновь стать хранителем Мекки и Медины...

– Роскошно, просто роскошно... – промурлыкал Алон, щуря глаза от удовольствия. – Мадам, располагайте мною. Я ваш!

*Воскресенье, 2 октября. Вечер
Москва, Пионерские пруды*

Вообще-то, день рождения полагалось отмечать в пятницу, но какой там праздник после пятой пары? Так что перенесли на субботу. Хорошо посидели.

Мама привезла роскошный «Наполеон», лучший торт в мире, а папа поздравил меня по электронке из Праги – до

«Скайпа» еще расти и расти. Отцу сейчас нелегко, но он как-то умудряется тянуть воз хлопот в должности главного инженера, а по вечерам докторскую писать. Ничего, скоро к нему умотают мама с Настей, окружат «папулечку» любовью и вниманием!

Настёну малость развезло с бокала вина, всё лезла ко мне целоваться, а мамуля наставляла Риту, как в ее отсутствие добиться привеса у «Мишечки», а то «отощал совсем».

Честно говоря, не люблю я шумные застолья, а вот собраться по-семейному...

И посуды много мыть не надо! Мы с Мариком за полчаса управились. И завалились спать.

Рано утром неугомонная Ритка стала ко мне приставать, чтобы выцыганить ключи от машины, и соблазнила-таки. Да я бы и так доверил ей «Ижика», но ведь «через постель» гораздо интересней...

Прощальный поцелуй, цокот каблучков, нежное «Чао-какао!», подцепленное у моей мамы – и тишина... Я даже застонал от удовольствия, чуя, как стынет в квартире тишина. Перевернулся на другой бок, и продрых до десяти...

Но мысль о сегодняшней встрече с себе подобным, не покидала, словно тиканье часов – вечная озвучка на грани восприятия. Ощущение кануна преследовало меня до самого вечера.

Со стороны улицы Жолтовского не выглядывал элитный «Патриарх», безвкусный образчик «лужковского ампира». Дома, обступившие прямоугольник пруда, будто заключившие его в пышную раму, хранили дух старой Москвы – тихой, размеренной, основательной.

Стылая вода блестела темной гладью, отдавая сыростью и тиной, а на аллеях, как в тот «раскаленный страшный майский вечер», было безлюдно. Лишь желтые листья расставались с ветвями в последнем шуршанье.

Без пяти минут шесть я свернул с Малой Бронной под липы, попадая уже не в тень, а в легкий сумрак, и заметил единственного «сидельца» – Игоря Максимовича в обтерханном костюмчике, поверх которого был накинут серый болоньевый плащ, шелестящий от малейшего движения, даже на вдохе.

Старик сидел совершенно неподвижно, прямил спину и глядел куда-то очень, очень далеко – за деревья, за дома, за добро и зло. Обе морщинистые ладони он сложил поверх набалдашника трости – желтый лист слетел на сучковатые пальцы, и дед воззрился на бесплатный комплимент осени, складывая губы в улыбку.

Поднес ладонь поближе, любуясь прожилками жухлого листка, и тихонько дунул, смахивая транзитный грузик.

– Здравствуйте, – сказал я негромко. Откровенно говоря, меня терзали смутные сомнения – а стоило ли, вообще, воз-

обновлять странное «курортное» знакомство?

Но старый приветливо покивал мне.

– Здравствуйте, Михаил. Присаживайтесь. Сегодня на редкость тепло, хотя тучки ведут себя подозрительно... – он кивнул на небо, где вечерняя синь затягивалась хмарью. – Миша, а когда вы впервые ощутили в себе Силу?

– Годика в четыре, – улыбнулся я. – Вылечил девочку из нашей группы.

– А скажите... Вот, когда вы лечите, то сильно устаете?

– Ну-у, года четыре назад выдыхался просто! А сейчас нормально...

Я с подозрением присмотрелся к Игорю Максимовичу – да нет, никаких происков или умыслов... Сидит, губу жует задумчиво, шевелит седыми усами...

– Михаил... А еще какая-нибудь сверхспособность есть у вас?

– Была, – в моем тоне преобладало кроткое терпение. – Я называл ее сверхскоростью. Она пропала у меня в десятом классе, осенью. Это был первый симптом, но до меня тогда не дошло. А после Нового года жутко разболелась голова... И, как назло, энергия... как вы говорите – Сила – по нулям! Рак мозга.

Старик замер.

– Но-о... – недоверчиво протянул он. – Как же... вы?

– Девчонки помогли, одноклассницы, – тепло улыбнулся я, решив не упоминать Маринку. – Спасли наложением рук!

Так что... «Подзарядили»!

– Понятно... Знаете, Миша, я хоть и технарь, но всегда интересовался биологией, психофизиологией, генетикой... Горел желанием разобраться в себе, понять, что же во мне тикает! Помню, весной сорок пятого всю нашу «шарашку» отправили в Германию за трофеями. Мы собирали брошенную или битую радиотехнику – аппаратуру зенитных ракет «Вассерфаль», радары «Фрейя» и «Ягдшлосс». Добыча была знатная! И вот однажды нам попалась колонна немецких «Опелей», угодивших под бомбежку. По всей дороге, помню, раскидало ржавые ящики, битком набитые папками с самыми грозными печатями Третьего рейха. Мы сначала думали, что там что-то военное, важное для наших – тогда как раз штурмовали Берлин, – а оказалось, что в грузовиках везли документы эсэсовского института «Аненербе». Его курировал сам Гиммлер, а у рейхсфюрера голова была забита бреднями об истинных арийцах. В «Аненербе» и чистотой расы занимались, и мистику разводили, и даже экспедиции отправляли на поиски Святого Грааля или Шамбалы. Но я-таки нарыл одну занятную папочку... Помню эти серые, шуршащие листы с пропечатанным орлом, закогтившим свастику... Это были протоколы обследований людей с врожденной силой «врилль» – с той самой энергией мозга, Михаил! Нашим наказанием и нашей благодатью... – он задумчиво потер гладко выбритую щеку. – Я почему вспомнил дела давно минувших дней... Те документы до сих пор хранятся у

меня в сейфе, а в них с немецкой дотошностью выписаны «истории болезни» более десятка реальных людей – немца, индуса, араба, славянина, еще кого-то... И все они такие же, как мы! И маялись точно такими же проблемами! Уже после войны я приезжал в Карл-Маркс-Штадт, где встречался с Бруно Кренцем. В сорок третьем он отказался сотрудничать с «Аненербе», и его принудили исцелять разных, там, высоких чинов. Заставляли с помощью гипноза и электрошока, давили морально, причиняя боль девушкам или детям в его присутствии. Мол, не хочешь слышать, как юная фройляйн кричит, заходится? Ну, так уврачуй штандартенфюрера СС, и мы ее отпустим! А когда Сила в Бруно стала иссякать, его бросили в концлагерь. Кренца ждали побои, издевательства и неизбежная топка крематория, но он встретил Юзефа Ковальского, такого же, как он сам, целителя, только латентного, не имевшего понятия о своем даре. Или проклятии – это уж кому как. Они бежали в тот же день, обратив свою Силу во зло, но против зла...

Я слушал Игоря Максимовича, вбирая слухом каждое слово и даже оттенки интонации. Мимо изредка проходили москвичи, возвращаясь с работы или направляясь за покупками, а я весь был там, в суровом, порой жестоком мире, известном мне по старому черно-белому кино.

– Ну, это всё – преамбула, – старый целитель хлопнул себя по острым коленям. – А позвал я вас сюда, Михаил, для того... Да просто хочу избавить вас от ошибок, свойствен-

ных всем целителям, знахарям, хилерам... Ну и, так сказать, передать опыт! – он тихонько, рассыпчато засмеялся. – Я не куплю вашу душу, Миша, но побуду, если хотите, наставником... Вы согласны?

Я уловил в голосе, во взгляде Игоря Максимовича страстное желание помочь, и чисто детский страх отказа. Поэтому раздумывал ровно секунду, и вытолкнул:

– Да, я согласен.

– Ну, тогда... – повеселев, целитель встал и махнул тростью. – Идемте, я тут недалеко живу...

*Четверг, 6 октября. Ближе к вечеру
Москва, улица Малая Бронная*

Игорь Максимович Котов задернул плотные гардины, погружая огромную комнату в сумрак. Недосягаемые потолки расплылись густой тенью, а книжные шкафы предстали хранилищами диковин и тайн.

– Садитесь, Миша, – Котов с трудом подвинул тяжелое кресло, ставшее от времени бесформенным. – Закройте глаза, успокойте дыхание – и отрешитесь от земного. Помните упражнение по собранности?

– Помню, – я уселся, вспоминая штудии у Корнилия, и зажмурился. Вдох – выдох. Вдо-ох... Вы-ыдох...

Обычно наставник водил меня тренироваться в метро, заставлял сосредотачиваться в толчее, отстраиваясь от мель-

канья лиц, от воя отъезжающих вагонов.

«Тяжело!» – как Гюльчатай говорит...

«Концентрации в заброшенной церкви или в темном подвале достичь просто, и без особых затей, – посмеивался Котов. – А вы попробуйте отсечь все звуки, все краски в толпе!»

– Прочувствуйте Силу в себе, – голос Игоря Максимовича доносился словно бы издалека, падал сверху холодными словами-снежинками. – Она наполняет ваш мозг, растекается по телу... Я не говорю, что нужно ощутить каждую клеточку в отдельности. Их в вас тридцать триллионов, никакой жизни не хватит... Просто переводите внутренний взгляд, обращайтесь внимание на сердце, на легкие, скользите вдоль позвоночника... Следите за тем, как бежит кровь, как набухают гормонами железы... Привыкнете к этому «личному досмотру» – и никакая зараза вас не возьмет!

Часы в гостиной мерно шинковали время, нарезая секунды. Приглушенное щелканье маятника отдавалось в голове слабым эхом, всё четче совпадая с пульсом.

Вдо-о-ох... Вы-ыдо-ох...

Суббота, 8 октября. Вечер

Москва, улица Большая Марьинская

С утра Светлана Шевелёва разрывалась от желаний – ее тянуло, как и раньше, к упорному постижению наук, но в

то же время хотелось, чтобы двери Первого медицинского скорее закрылись за спиной, выпуская на волю.

Мечта стать нейрохирургом не покидала девушку, это давно стало целью. Просто сегодня плохо училось – внимание сбивалось, а трудолюбивой натурой то и дело овладевала задумчивая рассеянность. Наверное, ее голову и сердце занимали вчерашние бдения...

О, разумеется, как будущий врач, Света прекрасно знала, что миокард не являетсяместилищем души, но так уж принято – и амурные переживания, и томление духа прописывать в сердце.

А вчера Шевелёва подводила итог своей недолгой жизни. Девятнадцать лет – не тот срок, когда люди задумываются о будущем. В этом возрасте о нем обычно мечтают. Или бегают на свидания, поскольку практическое влечение куда занятней теоретических измышлений.

Выходя со станции «Алексеевская», девушка бегло улыбнулась своим мыслям. Иногда, вот, как вчера, ее приводила в веселое изумление эволюция, по спирали которой она восходила после той ужасной травмы.

Насколько она была похожа с сестрой – не отличить! «Врушки-хохотушки», как мама говаривала. Маша такой и осталась, а вот она... Месяцы нескончаемого ужаса и душевной боли выпарили всю легкомысленность и веселость. Светланка с удивлением сравнивала себя с Мишей Гариным, и наблюдала сходство. Мишенька тоже серьезен, как она. По-

рой – «по-взрослому» печален. И Андрей, и Изя до сих пор горазды на шалости и озорство, а Миша – нет. Тут кроется какая-то тайна, вот только разгадать ее не просто.

Перейдя проспект Мира по гулкому переходу, Светлана зашагала «домой» – комната, которую она снимала у бабки-москвички, стоила именно такого статуса – в кавычках.

Дом – это дом. Не просто помещение, где ты спишь или зубришь латынь, а родное убежище. Собственная отдельная квартира... М-да. Пока это не цель даже, а так, сокровенное желание. Сначала она отучится, отработает по распределению, а уже потом...

«Потом тебе стукнет двадцать шесть или двадцать семь», – усмехнулась девушка, сворачивая на Большую Марьяинскую.

Юрка, правда, клянется, что его обеспечат жильем. Вот только каким? И когда? Дадут комнатку в общежитии годика через три-четыре?

Шевелёва поморщилась – житейские раздумья отталкивали ее своим квасным мещанским оттенком. Дом – это важно, но что же теперь – живота не жалеть, добиваясь вожаделенных квадратных метров? Главное в ее положении – учиться, учиться и учиться! Стать классным специалистом! Ныне даже хороший невропатолог нарасхват, а уж нейрохирург и подавно.

«Стану, – кивнула себе Светлана. – Уж чего-чего, а мотивация у меня – на уровне!»

Научиться излечивать паралич! Хотя как-то, хоть на малую малость избавить от мук неподвижности! А хорошему, опытному специалисту любой главврач квартиру выбьет...

– Ну, ты, подруга, даешь... – пробормотала девушка, качая головой. Какие только идейки не заводятся в ворохе высоких помышлений!

В принципе, ей грех жаловаться. Комнату они снимают на троих, Нина и Галя – тоже медички, только со второго курса. Баба Аня много не берет, а условий всего три – не сорить, не шуметь и не водить парней. Юрка, когда бывает в увольнении, даже к дверям не подходит – с улицы зовет. Юрка...

Когда они учились в восьмом, ей очень не нравилась злость Сосницкого. А когда Миша выходил Юркину маму, жестокость ушла, осталась жесткость, но это нормально. Зато «Сосна» никого не боится. Говорит, отбоялся свое...

«Наверное, это у нас общее с Машей, – подумала Светлана, – нам обеим нравятся парни в форме!»

Вот только Жека твердо намерен стать офицером, а Юрка... То его в милицию тянет, то в чекисты... Не определится никак.

Впрочем, уж если ворчать... На себя тоже стоит оборотиться! Вот это ее страстное желание выбиться в нейрохирурги... Обдуманно ли оно? Или взбухло на пузырях эмоций? Вот, окончит она мед, набьет первые шишки опыта – и разочаруется в своем выборе. Разве так не бывает? Да

сплошь и рядом!

Шагнув в прохладный подъезд, Шевелева поднялась на третий, и отперла дверь своим ключом. Надеюсь, что баба Аня задержалась на даче... Присутствие хозяйки Свету напрыгало – остро чувствовалась чуждость стен.

«Нет, не задержалась...» – кисло улыбнулась она.

В прихожей девушку окатил разваристый дух свежего борща. С кухни доносилась невнятная болтовня квартиранток, перебиваемая звяканьем ложек и голодным хлюпаньем.

– Света, это ты? – послышался дребезжащий голос бабы Ани.

– Я, Анна Алексеевна!

– Раздевайся скорей, а то эти пролотки всё съедят!

– Так вкусно же! – затянула Нина, подлащиваясь.

Светлана заулыбалась, поправляя прическу перед старым трюмо, и решила, что жизнь не так уж плоха, если хорошенько подумать. Или не думать вовсе.

Глава 2.

Воскресенье, 9 октября. Утро

Псков, улица Профсоюзная

Я бы мог идти и побыстрее, но Рита постоянно вертелась, обозревая достопримечательности. Держа меня за руку, она то останавливалась, задирая голову, то оглядывалась, шагая

бочком или вовсе спиной вперед.

– Твое поведение не подобает замужней даме, – у меня получилось очень назидательно. – Последний раз я так Настю в садик водил...

– Зану-уда! – ласково протянула девушка, и вспорхнула на высокий бордюр, прошлась, сгибаясь в талии и ловя баланс. – Держи меня!

– Девчонка совсем! – залучился я, крепко сжимая тонкое запястье.

Рита спрыгнула и мимолетно прижалась, не решаясь целоваться на улице. Чопорно взяла меня под ручку, и зашагала рядом, приноравливаясь к моей походке.

– С ума сойти... – тихонько пробормотала она. – Шестнадцатый век... Это же царствование Ивана Грозного! А у твоего предка уже тут дом стоял, «палаты каменные»... Далеко еще?

– Скоро узришь, – я переплел свои мохлявые пальцы с тонкими, изящными пальчиками Риты. Так и просится на язык: «перстами»...

...Вайткус бережно развернул хрустящую папиросную бумагу, открывая изжелта-белый пергамент, исписанный старинной вязью.

– Етта... – начал он глубокомысленно. – Ирмочка проследила твою родословную, закопалась в прошлое – и нарыла сей любопытный документ. Етто не из музея. Есть тут

один старичок-коллекционер... Доверил внучечке реставрировать царскую грамоту... М-м... Что-то вроде наградного листа. Царь всея Руси Иоанн Васильевич дарует «целителю своему Олександру Гарину палаты каменные противу церкви Оидигитрии, что на Печерском подворье», – Ромуальдыч припечатал ладонью харатью из былых времен. – Всё точно, Миша! Проверено. Твое родовое гнездо!

– Смешно вам, – заворчал я, дотрагиваясь кончиками пальцев до шершавой дарственной. – Может, там всё уже тыщу раз застроено и перестроено...

– Нет-нет! – энергично замотал головой Ромуальдыч. – Всё на месте, я тебе говорю! Просто хозяева менялись. Сначала епископ те палаты «отжал», как ты выражаешься. Потом они купцу какой-то гильдии достались... При Николае Первом к губернскому ведомству отошли... А до войны там склад стеклотары держали. Я смотрел уже. Если собрать ребят порукастей, да навалиться разом, можно всё за месяц разгрести, расчистить – и откапиталить! Етта... Откроем Центр НТТМ в торжественной обстановке, а мой знакомый из обкома пусть алую ленточку режет!

– Годится для зачина, – улыбнулся я, повторяя сразу обе любимые присказки товарища Андропова...

...Уголок губ дрогнул, провожая воспоминание. А ведь дед Семен однажды выхвалялся перед бабушкой: «Да мы из бояр! Да у нас во Пскове палаты стояли каменные!»

Я тогда еще и в школу не ходил, а уж древность рода меня точно не волновала. Но вот сейчас припекло.

А что, если старый проговорился, хлебнув лишку? Знал, да помалкивал, чтобы те, кому положено, не сомневались в его пролетарском происхождении? Да меня и самого горячило любопытство, я нутром чуял некую тайну. Ну, не зря же подсознание, что мое, что дедово, так притягивается к месту жительства царёва целителя...

– Вон там! – воскликнула Рита. – Вон, в переулке!

– И что бы я без тебя делал, – улыбнулся я, тискающая девушку.

– Пропал бы! – засияла женушка.

«Родовое гнездо» меня разочаровало. Низкое здание, сложенное из плитняка, напоминало брошенный барак. С осевшей крышей, чернея провалами крохотных окон, оно навевало тоску.

– Как все запущенно... – я оглянулся в надежде, что ошибся, но нет – вон она, обшарпанная колокольня-звонница. Всё, как в той грамотке: «Полата каменная, а рядом колоколница каменная ж, а на колоколницы звону два колокола невелики...»

Рита вздохнула, поглядывая на меня изучающе и виновато.

– Шестнадцатый век, – вытолкнул я, натягивая улыбку, – что ты хочешь...

С торца мы обнаружили железную дверь, заржавевшую

навек полуоткрытой, и проникли внутрь. Судя по штабелям трухлявых поддонов, здесь действительно был склад. Загаженные цементные полы упрятали даже сход в подвалы. Скуренные «бычки», битые бутылки из-под пива... Щербатые колонны, облезлые своды с дурацкими откровениями, выведенными копотью...

– А крыша не обвалится? – боязливо спросила девушка.

– Да кто ж ее знает... – сказал я в утешенье.

Хотел продолжить мысль чем-то значительным – и замер, глядя на два окошка. Небольших, стрельчатых, разделенных обколотой колонкой. От них тянуло сквозняком, но это задувала Вечность...

За окнами бурел пустырь, где носилась ребятня, однако воинственные кличи почти не залетали в палаты. А у меня сразу поднялось настроение.

Грязь – это пустяки. Берешь веник, совок – и вперед. Сдолбить растрескавшуюся корку бетона? Да не вопрос! Было бы желание.

И где-нибудь под залежами мусора, под наплывами грязно-серого раствора мне откроется тайна... А иначе – обидно!

Пятница, 14 октября. День

Йемен, Сана, район Ас-Сабин

На экране телевизора бесновались бородатые личности

в офицерской форме. Роня фуражки, тараща глаза, они размахивали черными пистолетами в приемной, тщась вломиться в кабинет президента, но четверо парней в спортивной форме ловко отражали атаки. Они крушили челюсти направо и налево, заламывали руки и укладывали наемных убийц мордой в ковер.

С гортанным криком в приемную ворвался еще один бородач с «Узи», ударил хлесткой очередью, но вот рука одного из «спортсменов» мелькнула в неуловимом движении, и крик оборвался клекотом – нож вошел в шею, как зубочистка в канапе.

– Есть еще служебная съемка, ваше величество, но, вы уж поверьте мне, смотреть на то, как на допросе разваливаются эти саудиты, просто неприятно, – Аль-Хамди выключил телевизор, и внимательно посмотрел на своего гостя. Молодой король Хусейн, достойный потомок Хашима ибн Абд Манафа, выбрал для встречи европейский темный костюм, белую рубашку и галстук.

– Вы правы, – согласился монарх. Перебирая четки в опущенной руке, он проговорил, будто в задумчивости: – Благодарю вас за честность и откровенность. Картина в целом ясна, кроме, разве что, пары моментов. Почему именно одиннадцатого числа саудовцы решились на крайние меры? И как во всем этом замешан Израиль?

– О, мне известна ваша нелюбовь к иудеям, – улыбнулся президент, – но здесь как раз тот случай, когда... – его улыбка

ка утончилась. – Враг моего врага...

– ...Мой друг, – кивнул правитель Хашимитского Королевства Иордании.

– Хотя все немного сложнее, – на переносице Аль-Хамди залегла складочка. – Попытка переворота в Сане застигла официальный Тель-Авив врасплох точно так же, как и Амман. На меня вышел частным порядком «серый кардинал» Моссада, полковник и раввин Рехавам Алон. Но не сам, а через русских. Их поручительство решило всё.

– Вы доверяете Советскому Союзу? – его величество задал вопрос без оттенка удивления или неодобрения.

– Полностью, – твердо сказал Аль-Хамди. – Почему? Потому что русские не предадут. У них есть такая пословица: «Договор дороже денег». У тех же американцев всё с точностью до наоборот – они с легкостью откажутся от своих обязательств, как только те станут им не выгодны. А что касается времени, выбранного саудитами для покушения... Видите ли, я по-прежнему привержен идее воссоединения йеменцев. И тринадцатого числа мы должны были сделать первый шаг по пути единства – создать военный союз между Саной и Аденом.

– А Эр-Рияду ни к чему объединенный Йемен, – понятно кивнул король. – И вас не смущает, что Аден входит в состав просоветской Восточной федерации?

– Нисколько, ваше величество! – расплылся президент в добродушной улыбке. – Южный Йемен, Сомали, Эритрея и

Эфиопия по отдельности – нищие и неустроенные государства, чей удел – обочина светлого пути к процветанию. Но вместе они – сила!

– Понимаю, понимаю... – затянул Хусейн ибн Талал, и вдруг улыбнулся совершенно мальчишеской улыбкой, словно напоминая: «Мне всего двадцать пять!». – А позвольте еще один вопрос?

Ибрагим Мохаммед аль-Хамди развел руками в великодушном жесте:

– Спрашивайте, ваше величество!

– А почему вы сами не желаете расширить границы Йемена, присоединив Хиджаз? – сощурился король.

– Как и у саудовских королей, у меня нет прав на эти земли, разве что на крайний юг, – серьезно ответил президент. – Саудиты – безродные выскочки, в то время как ваша династия восходит к прадеду самого пророка! Семь веков ваши предки владычествовали в Мекке и Медине!

Хусейн ибн Талал гордо улыбнулся, и протянул руку:

– Я с вами, друг мой!

* * *

... «Илы-28», крашенные «серебрянкой», взлетали по очереди. Грохоча двигунами на форсаже, прокатывались по бетонке в Массауа, а высоту набирали над Красным морем.

ВВС Восточной Федерации лишь создавались, и переговоры легчиков озвучивали эфир по-испански, по-русски, по-

арабски, по-эфиопски...

- Группа Монтего! На Табук!
- Си, команданте! Венсеремос!
- Группа Гетачо! На Джидду!
- Да, камандыр!

Бомбардировщики плавно разделились, забирая к востоку. Группа майора Старобинца взяла курс на архипелаг Ханиш.

– Остров Джазират-эль-Ханиш! До точки поворота осталась минута.

– Разворот!

Ведущий, а за ним и вся группа повернула на Хамис-Мушайт, саудовскую авиабазу, самую ближнюю к северной границе объединенного Йемена.

– Группа, внимание! Идем в наборе. Радиопереговоры до атаки запрещаяю.

Лишь только морские волны докатились до финишной полосы прибой, и под крыльями вздыбились выжженные горы, с базы Аль-Анад поднялись истребители-перехватчики «МиГ-21». Они показались справа, отливая ртутью в мареве небес, и полезли вверх – с высоты легче прикрыть бомберы.

Майор Старобинец покусывал губу, глядя на «маленьких». Он переживал за группу. Эритрейцам Гетачо досталась военно-морская база в Джидде. А что там бомбить? Французы клепают для короля Халида ибн Абдул-Азиза Аль-Сауда самые первые фрегаты, а пока его Западный флот

– «москитный», сплошь катера да старые английские тральщики!

Кубинцы Монтего тянут на самый север – громить танкистов в Табуке, чтобы не мешали триумфальному шествию власти Хашимитов. А вот Хамис-Мушайт – это другое. Там эскадрильи Ф-5 «Тайгер» и «Миражей»...

– Внимание! Приготовиться!

Облетая городишко с его базарами и толпами мирного населения, «Илы» перестроились, выходя к аэродрому саудовских ВВС.

– Группа, внимание! Атакуем!

– Готов! – откликнулся штурман, пересаживаясь на сиденье у правого борта, рядом с бомбардировочным прицелом.

– Сброс!

Дюжина ФАБ-100 просыпалась из грузоотсека, качнув самолет. Внизу проплыли бетонированные полосы, рулежки, ангары... Клубами огня и дыма вспухли первые взрывы.

– Командир! Два «Тайгера» на взлете!

– Вижу.

– Та вы не волнуйтесь, товарищ майор, – включился ведущий группы прикрытия. – Разберемся!

– Сбейте их к такой-то матери!

– Добре...

Остроносые «F-5» успели оторваться от земли – и сошлись с очередями авиапушек. Мелкокалиберные, но злые снарядики расчленили оба «Тайгера» – прочь закувыркалось

крыло, оторвался хвост, посыпались ошметки фюзеляжа...
– Полетели клочки по закоулочкам!
– Цели накрыты! – сообщил стрелок-радист, задыхаясь.
Пустыня и горы наклонились, и крестовая тень «Ил-28» очертила широкую дугу по древним пескам
– Задание выполнено, – довольно выдал в эфир Старобинец. – Все самолеты в строю, курс домой!

*Воскресенье, 17 октября. Утро
Москва, проспект Вернадского*

Альбинка куда-то ускакала со своим Изей, и Зиночка Тимофеева осталась одна. Так уж получилось, что комнату они делили на двоих, хотя раньше тут стояли четыре кровати, как у всех по этажу.

Разумеется, подружки ни словом, ни духом не напоминали коменданту о «лишней» жилплощади – вдвоем куда проще. У соседок за стенкой тесно, не развернуться, а в душ целая очередь выстраивается. Недаром близняшки комнаты снимают...

Тимоша откинула одеяло, и потянулась. Всё упирается в деньги – тему, которую она не любит обсуждать даже сама с собой. Нет, Маша вроде, когда поступала, в общежитие заселилась, но тамошняя разгульная жизнь отпугнула ее – в «Строгановке» хватает студиозусов, мнящих себя «свободными художниками» или просто хиппующих. А Света сразу

стала жилье искать. Сказала, что ей учиться надо, а в общежитии даже выспаться не дадут, не то, что к занятиям готовиться.

Девушка уныло вздохнула. Везет же Ритке... Миша ей всё устроил, даже отдельную квартиру! Свою! Еще и работает где-то на полставки, больше ста рублей каждый месяц... Хоть и впритык, а всё ж копеечка...

Да и Инка удачно замуж вышла. Говорят, что Видов – гуляка, но... Тимоша ехидно улыбнулась. Да Олег сам с бывшей развелся из-за того, что та ему изменяла! Может, угомонился? И сыночка своего любит...

Зевнув, девушка села и скинула ночнушку. Натянула трусики.

«Какая я стала... – взгрустнулось ей. – Завистливая...»

Ведь в школе все они были равны! Хотя... Зина вспомнила, как Рита похвасталась однажды комплектом французского белья, а она об этом даже маме рассказала. Быть может, с наивной надеждой на то, что и ей достанут нечто подобное... А мама тогда весело заметила: «Зато у тебя натуральные, чистый хлопок!» Так не шелк же...

Запахнувшись в халатик, Тимоша подцепила тапки и прошлепала в санузел, размышляя о жизненных странностях. Почему одной везет, а другой – нет? Не потому ли, что «везучая» нарочно упрощает условия бытия? Прибавляя матблага, отнимает что-то от себя? Вон, как Ксения из 11-й школы – выскочила замуж, не любя. Да что там – не любя... Ксюха едва терпела своего жирного, лысого «избранника»! Зато

квартира, машина, дача... Летом в Ялту, зимой на Домбай. Чем не жизнь?

«Да разве это жизнь?!» – почистив зубы, Зина пополооскала зубы и с отвращением выплюнула воду.

Не-ет, Светка права! Как она тогда сказала?.. «Вуз – это не «выйти удачно замуж». Это значит: получить диплом – и стать кем-то, а вовсе не женой кого-то!»

Да и за кого ей выходить? За Андрюшку? Тимоша заулыбалась. Неуклюжая заботливость Дюши ей нравилась... Нет, даже не это, а как бы тут выразиться... Андрей любит ее, но не так, как Изя – Альку. Тот признался – и спокоен! Нет, Дюша вечно переживает, боится, что она к нему охладает, или другого найдет... На это даже сердиться нельзя. Умиляться разве. И, потом, страх – отличный стимул...

Дюша после занятий пропадает в каких-то гаражах – чинит машины или помогает чинить. Хвалится, что в этом месяце рублей сто точно выйдет... А потратит их на нее.

Со вздохом Тимоша оделась, и набросила шубку «на рыбьем меху». Как все эти противные мелочи портят жизнь! Или это Москва так действует? По улицам ходят толпы девушек, одетых и нарядно, и модно. А ты чувствуешь себя смешным чучелком из провинции...

Прислушавшись – «исторички» хихикали за дверью своей комнаты – Зиночка покинула блок, не запирая дверь. По гулкому коридору вышла к лифтам. Левая кабина стояла открытой, будто ждала ее.

Девушка быстренько зашла в качнувшийся объем, и нажала кнопку «Ц» – столовая должна быть еще открыта. Лифт тронулся, и пошел вниз – вместе с настроением.

А, может, всё потому так грустно, что она слишком прижимиста? Экономить на всем – привычка давняя. Дала ей мама тридцать копеек на обед – она двадцать потратит, а «де-сюнчик» занюкает. За неделю полтинник набегает – и на кино хватит, и на мороженое останется...

Точно так же она и стипендию бережет. Сорок рублей – не деньги, только на еду и хватит. Да на проезд еще. Родители, конечно, подкидывают кое-что, но они и сами не богаты. Папа – шофер, он на своем «КраЗе» сто десять рэ получает, если «калымить» не выходит. У мамы и вовсе шестьдесят. Конечно, огород спасает, все овощи свои, так их еще вырастить надо. А ты попробуй, отработай смену, а после потяпай на шести сотках, клятую траву выпалывая!

Пробовали, работяжки, помидорами на базаре торговать, а толку? Десять копеек килограмм, рубль за ведро. Попробуй-ка, натаскайся!

Папка, правда, грозился старый «Запорожец» продать, только как же он со своей «ласточкой» расстанется?

Улыбаясь, Тимоша зашла в столовую, окунаясь в облако аппетитных запахов. Из-за столика как раз поднималась Лена с их курса. Свитерок портил ей фигуру, зато новенькие джинсы выгодно обтягивали попу.

Отведя глаза, Зина горестно вздохнула. А вот у нее нико-

гда не было джинсов... Алька, вон, купила-таки костюмчик, но она легкомысленная и порывистая. За сто двадцать рублей! Нет уж...

– Мне, пожалуйста, макароны с биточками.

На полочке стояли в ряд стаканы, наполовину полные густой сметаны. Местное лакомство – ложку сахара, размешал – и ешь. Не-ет... Больно жирна сметана. Лучше чай и коржик.

Завтрак снова поднял Тимоше настроение, и она поднялась по лестнице в вестибюль, придя в некое равновесие с окружающим миром, полном соблазнов.

– Здравствуйте, тетя Дусь! – прозвенела девушка, и вахтерша закивала ей со своего поста.

Остановившись у раскладки с почтой, Тимоша порылась в конвертах – и с изумлением выудила квитанцию. Почтовый перевод... «Зинаиде Тимофеевой». На двести рублей!

Не сдержавшись, Тимоша взвизгнула от счастья, и вынеслась на улицу, толкнув стеклянные двери. Разве так бывает? Бывает! Ага... А паспорт с ней хоть? Она, вроде, клала вчера... Да вот же он, в сумочке! Почта тут рядом, в пятиэтажке за прудами... По комсомольскому билету только до пятидесяти рублей выдадут, а тут двести!

Суматошные мысли крутились в голове, будя сонные желания, а молодые ноги несли Тимошу по дорожке вокруг Дома студента, прямо к тому месту, где сбываются мечты.

Глава 3.

Понедельник, 24 октября. День

Москва, Ленинские горы

– В дифференциальном исчислении мы решали следующую основную задачу: по данной функции найти ее производную, – вещал сухонький препод, с энтузиазмом стуча мелом по доске. Глазки у него горели, а растрепанные седые космы довершали растиражированный образ математика. – Рассмотрим обратную задачу, и введем теперь понятие неопределенного интеграла...

Я слушал внимательно, со вкусом поглощая отточенную информацию.

– Миха! – сдавленным шепотом позвал Скоков с задней парты.

Я отклонился назад, изображая повышенное внимание.

– Ночью градиентный блок протёк! – зашипел Иван.

– Квенч? – нахмурился я. – Только этого еще нам не хватало...

– Да не! Там в водяном охлаждении трубка лопнула!

– Заменяли?

– «Богатыри» чинят. А завтра обещали криокулер подвезти!

– Мальчики!.. – с укором сказала Синицына, и мы прекратили недозволенные речи.

...Профессор яростно и самозабвенно исписывал черное пространство доски математической каббалистикой, а я тихо млел, посматривая на часы – большая стрелка неумолимо сдвигалась к заветной черте. Для кого-то начнется перемена и шумный ход в другую аудиторию, а вот я...

А я оторвусь от коллектива! Крайняя пара приятно сочлась, нагружая школяров истинами диамата, «но мне туда не надо».

И грянул звонок, радуя студенческие сердца...

* * *

Мне всегда хотелось жить-поживать в Москве. Я потому, под осень бытия, и заселился в Щелково – все ж ближе к МКАДу.

А нынче и вовсе «сбыча мечт». В «серпастром-молоткастром» – московская прописка. Однако привычки к столичным улицам так и не выработалось. Во мне по-прежнему, как в далеком-предалеком детстве, что-то счастливо сжималось в душе, стоило лишь спуститься в метро и услышать гулкое подвыванье поезда. Наверное, те самые фибры трепетали...

Ни одному коренному или «закоренелому» москвичу не дано понять, ощутить приятность обручения Садовым кольцом, или нахождения на Ленинских горах! Праздник, который иногда с тобой.

Покинув главное здание, я зашагал к проспекту. Ритка с

утра «заняла» у меня «Ижик».

Губы сами сложились в улыбку. Просто обожаю, когда Маргарита Николаевна сама пристаёт, пользуясь мужской слабостью и опасной женской силой. Животворящая ласка даже сурового, brutального типа размагнитит до состояния податливого киселя. Я, наверное, потому и не уважаю феминисток – эти дуры качают мышцы и копят мужицкие повадки, вместо того чтобы пленять и соблазнять. Ну, им же хуже.

Миновав проспект, я изменил метрополитену, сев в подкативший троллейбус. Хоть кругом посмотрю – на людей, на олимпийские стройки. Водитель поневоле в шорах, некогда ему красотами любоваться, надо за дорогой следить...

– Ваш билетик.

Спокойный голос смутил меня. Старичок-контролер в сером пальто и кепке терпеливо ждал ответа, невозмутим и бесстрастен.

– А у меня нет... – проямлил я, краснея.

– Штраф один рубль, – деловито объявил старикан, отрывая квитанцию.

Безропотно расставшись с дензнаком, я уцепился в поручень, улыбаясь стыдливо и чуть растерянно. Мосгортранс отомстил владельцу личного авто...

«Лучший контролер – совесть пассажира!» – трафаретная надпись, молчаливо взывавшая со стенки троллейбуса, словно разбавила свой красный цвет праведной ехидцей.

Решив прогулять остаток дня, я вышел на «Дзержинской», и поднялся к Кировской – там, недалеко от «Книжного мира», распускала несравненный дух уютная забегаловка под простеньким названием «Блины».

Сразу за порогом я окунулся в ворох влекущих запахов. Нигде больше не едал подобных, вернее, бесподобных блинов! Парочку со сметанкой, ага... И беляш. Нет, два беляша! Эти произведения кулинарного искусства тут лепили весьма затейливо, но главное, конечно, не форма, а содержание. Получался не пышный и бесформенный пончик со следами мяса, а небольшие, в меру прожаренные вместилища вкусной и сочной начинки.

Уселся я, по давно выработанной привычке нелегала – в уголку, возле окна. Сижу, насыщаю организм... За стеклом бесшумно шуруют «Волги», «Шкоды», «Жигули»... Вечно торопящиеся пешеходы снуют взад-вперед, но иногда в целеустремленной толпе возникали турбулентные возмущения – народ улавливал соблазнительные ароматы, и сворачивал в блинную.

Когда я разделался с беляшом номер один, почти все места заняли оголодавшие москвичи и гости столицы. Обтянутая пиджаком спина прямо передо мной бубнила:

– Демонополизация, разукрупнение... Двери министерства на лопату, а спецов на улицу?

– Хороший специалист без работы не останется! – напирал мордатый оппонент. – Вон, закрыли Минавтопром, а министерских перевели – кого в «Автопромбанк», кого еще куда. Лично я на АЗЛК устроился. И ничего!

Напротив энергично подкреплялись три корпулентные дамы в модных кардиганах – утепленные плащи висели, перекинутые через спинки стульев.

– Не знаю, – басистым контральто созналась одна дама, – я свою дубленку уже месяц, как в комиссионку сдала. А толку? Кто ее купит, ношенную? Их тут в каждом магазине навалом!

– Шубку надо строить, – посоветовала ее подруга, манерно уминая блин. – Или купить по фигуре. Вон, вчера в ЦУМ монгольские кожаны завезли, очень даже приличные. Натуральные на все сто!

– Дубленки, они разные, – авторитетно заявила третья дама. – Надо искать расшитые афганские! Такие, знаете, с длинными мохнатками, вот здесь, на воротнике, – стала она показывать обеими руками, – на манжетах и подоле!

Просвещенный, я задумался: а не пора ли Риточке шубку купить? Норковую, как минимум? Короткую, но чтобы попу прикрывала, и с капюшончиком?

– Вы позволите?

Вежливый женский голос выхватил меня из размышлений о верхней одежде. Подняв глаза, я увидел хорошенькое личико, распознать тонкие черты которого было несложно. На-

таша Фраинд!

– Миша! – ахнула девушка, едва не роняя поднос. – Мишенька!

Я встал, улыбаясь, и дождался бурного изъяснения чувств – Наташа обцеловала мне и губы, и щеки.

Три дамы с живым интересом следили за нашей встречей.

– Привет! – мне удалось легонько обнять землячку. – Как твои глазки?

Ресницы за стеклами очков запорхали, склеиваясь от слезинок.

– Видят! Ох, Мишенька... – Фраинд присела, будто ослабев, и всхлипнула. – Как вспомню... – она коротко выдохнула. – Никогда и никто не убедит меня, что я не испытала в тот крошечный год самый лютейший ужас – и величайшее счастье! Ах, Миша... – девушка взяла мою руку обеими ладонями, и надула губы. – Но потом я на тебя обиделась. Сильно! Ты так больше и не зашел ко мне!

– Прости! – я изобразил смешливое покаяние. – Если б я тогда м-м... зашел, то задержался бы надолго...

– Да-а... – сладко заулыбалась Наташа. – Я бы тебя не отпустила, пока... пока не сказала бы «спасибо». Разика два! Или три... Помнишь?

– Помню, – мягко сказал я. – Чудесный был вечер...

– Тебе было хорошо со мной?

– Очень! – тут мне врать не приходилось. Я в своей новой жизни был девственником до встречи с Наташей, а первый

секс забываем. Моя пятерня покрыла девичью ладонь, и тонкие пальчики мигом переплелись с моими.

– Скажи, – Фраинд приглушила голос, – а та девушка... Помнишь, на День космонавтики? Вы хоть помирились?

– Помирились... – медленно проговорил я. – Но все равно расстались. Мне сейчас в голову пришло... Знаешь, наверное, я должен тебя благодарить за то двенадцатое апреля. Если бы не тогдашнее недоразумение, возможно, так бы и не встретил свою единственную...

– Так ты женат? – Наташа подалась ко мне, и смущенно засмеялась: – Вот, глупота! Кольцо же щупаю! На той самой?

– На той, – улыбнулся я милой непосредственности давней моей «пациентки».

– А я замужем! – похвасталась моя симпатичная визави. – Павел служит в Первомайске, он офицер-ракетчик. Мы с ним вместе в Москву приехали. Решила прогуляться, пока он где-то в Генштабе, и встретила тебя!

– Да ты кушай! – всполошился я. – Остынут же!

Наташа засмеялась, и откусила от беляша.

– М-м... Как вкусно!

Я с удовольствием смотрел, как она ест – красиво и непринужденно. Три дамы, оглядываясь на нас, вышли, и столик напротив заняла шумная студенческая компания.

– Боялась очень армейской жизни, – призналась девушка, вилок ковыряя блин. – Ой, думаю, придется по гарнизонам шарахаться! А Пашке сразу квартиру дали, как семейному!

В той башне, на Ленина.

– В башне? – приподнял я бровь. В моей прошлой жизни высотки на улицах Ленина и Дзержинского возвели лишь в восьмидесятых.

– Ага! – с удовольствием подтвердила офицерская жена. – Мне с балкона весь Богополь видно, и реку за ГРЭС, а из окна кухни – парк! А еще... – она засветилась внутренней радостью. – Пашка обещал на годовщину машину купить! Не «Волгу», конечно, но и не «Жигуль»... «Вартбург» гэдэ-эровский! Нам будет как раз. В отпуск съездим куда-нибудь, в Крым или на Кавказ! А у тебя со своей было свадебное путешествие? А куда?

– На Кубу. Гавана, Варадеро... – в памяти вереницей пронесли моменты счастья.

– Здорово... А мы на Алтай ездили. Там столько гостиниц строят... Так, правильно! Красотища-то какая! Горы... Реки... Тайга... – Наташины глаза снова повлажнели, и она произнесла шепотом: – Мишенька... Спасибо тебе, что спас! Если бы не ты, ничего бы у меня не было – ни любви, ни семьи, ни жизни... Я всегда буду помнить, кому я обязана своим счастьем!

Высокопарность нисколько не покорила меня. Сказанное от души звучало искренне и просто.

– Перестань... Самому было приятно, когда ты увидела свет! И... – я растянул губы в улыбке. – Ты мне уже сказала «спасибо» в том феврале... Разика два!

– Три! – захихикала Наташа. – Сначала в кресле, потом на кровати, а потом – на столе! – порывшись в сумочке, она выудила оттуда ручку и начеркала на салфетке номер телефона. – Вот! Звони, когда захочешь! По делу или просто так. Поболтаем!

Наше прощанье вышло весьма горячим, и впечатлило студенток. Накидывая куртку, я смутно улыбался, чуя, как лицо горит от поцелуев.

* * *

– ...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Речной вокзал».

Моторы подняли вой, разгоняя метropоезд, и втянули шатучий объем вагона во тьму.

«Сколько людей ты сделал счастливыми? – думал я, глядя на вязки кабелей, провисавшие на стенах туннеля в оконных отсветах. – И не в этом ли измеряется предназначение?»

Натужный вой начал спадать, и снаружи проявился серый полусвет. Замельтешил скромный кафель путевой стены.

– Станция «Речной вокзал», конечная, – зазвучала душевная запись. – Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны.

Выйдя из метро, я удачно сел на 400-й экспресс до Зеленограда. Поближе стоял «ЛиАЗ», а чуть дальше – «ЛАЗ». Оба теплые, в отличие от холодных коробок «Икарусов», но я выбрал дальний, округлый львовский автобус – быстрее до-

еду.

Толстая добродушная кондукторша, складывая подбородки и выпячивая ярко на помаженные губы, бросила в звякнувшую сумку мои тридцать пять копеек, и выдала билет.

– Кто еще не обилечен? – зычно поинтересовалась она. – На линии контро-оль!

Плюхнувшись на сиденье с никелированной ручкой, я протер запотевшее стекло, созерцая московскую суету.

«Наташа... Света... Дима... дядя Володя... – память выстраивала череду образов. – А Настя? А мама с папой? Старос? Суслов? Разве они не стали счастливее? А Рита?»

Чтобы пассажиры не видели, как задираются уголки моих губ в тихой радости, я усталился в окно. Автобус зафырчал и тронулся, покотив к Зелику.

«Верным путем едете, товарищи!»

*Вторник, 25 октября. Вечер
Зеленоград, аллея Лесные Пруды*

– А я твоим все равно завидую, – Рита, уютно пристроившись на переднем сиденье, рассеянно глядела за окно, на черный влажный асфальт, испятнанный желтыми листьями. – Чехословакия – это... Ну, не совсем, конечно, граница, но все-таки...

– Давно в Париже не была? – улыбнулся я, сворачивая на Московский проспект.

– Лет девятнадцать – точно! – засмеялась девушка, и ее пальцы мимолетно погладили мою руку, лежавшую на руле.

– Ничего, будет и на твоей улице праздник... – наобещал я.

– ...Когда перевернется «КамАЗ» с печеньем! – жизнерадостно подхватила Рита.

Выехав к родительскому дому, я «указал на дверь»:

– Любимая свекровь ждет тебя!

– Не задерживайся! – последовало строгое внушение.

– Да сейчас, машину только поставлю...

Девушка поднялась по ступенькам к подъезду, как бы невзначай вертя попой, а я покатил к гаражам, добавив громкости приемнику.

– ...Как заявил товарищ Густав Гусак, экономика Чехословакии ускоренно развивается, доказывая верность курса на социалистическую интеграцию, – задумчиво журчала дикторша. – В своем выступлении по телевидению ГДР, он привел несколько примеров экономической взаимопомощи – запуск первой очереди завода «Совинтель» в Праге, а также строительство горно-металлургического комбината в Удокане, которое осуществляют чехословацкие специалисты по линии «Интермета».

– К другим новостям, – принял эстафету сдержанный мужской голос. – Продолжаются бои в Хиджазе. Вооруженные силы Йемена ведут наступление в северном направлении, используя танки и мотопехоту. При поддержке ВВС Во-

сточной Федерации, йеменцы заняли районы Джизан, Наджран и Асир. Как сообщает египетская радиостанция «Саут аль-Араб», местное население с радостью и надеждой встречает бойцов йеменской армии. Такое же отношение к себе испытывают и вооруженные силы Иордании. Наступая с севера, иорданские войска освободили районы Эль-Джауф и Табук. Немногочисленный флот Саудовской Аравии был уничтожен в первые дни конфликта, однако именно в порту Джидды идут ожесточенные бои. Саудовские власти спешно перебрасывают на запад войска...

«Давайте, давайте... – ухмыльнулся я. – Перебрасывайте!»

Нет, что и говорить, сомнения у меня были, но коли уж СССР всерьез занялся Ближним Востоком, то саудитов надо было убирать из игры. Само собой, не на первом ходу.

Сначала собрать в кучку Эфиопию, Сомали и оба Йемена...

Кое-как, но будем считать, что сделано.

Обеспечить прочный тыл...

Баз – полно.

Подружиться с Израилем...

«Русский с евреем – братья навек!»

Убрать Хуссейна...

«Саддам капут».

А вот теперь можно и Аравию переформатировать.

Я захлопнул двери гаража, и пошел домой. Именно домой

– иначе сказать нельзя, а то мама обидится...

* * *

– Ну, теперь только в Новый год увидимся, – щебетала мамулька. Раскрасневшись от вина и радостных перспектив, выглядела она потрясающе. – Да и то, наверное, я одна приеду, у меня сессия, а папа с Настей – только летом. И покидать вас как-то стыдно, а только когда ж еще так повезет, чтобы выехать? Риточка, вы заглядывайте сюда хоть иногда, ладно?

– Строго обязательно! – заулыбался Марик.

– Мишечка, а у тебя почему не налито?

– Низ-зя, я за рулем... – отнекиваться у меня получалось неубедительно. – Мне вас еще в аэропорт везти.

– Можно! – Рита плеснула в мой бокал изрядную порцию вина. – Я поведу, не волнуйся. Тут полчаса до «Шереметьево»!

Мама благодарно посмотрела на невестку, и потянулась ко мне.

– За нас!

Дзы-ын-нь! Сосуды сошлись, распуская долгий звон хрусталя.

Покорившись, я смаковал винцо. Приятненькое. Не кислота, вроде «Ркацителы», и не приторное, как «Белый мускат Кизил-Таш»...

Настя вежливо пихнула меня в бок.

– Еще хочу!

– Пьянчужка...

Девушка прыснула в ладонь, а мне удалось завладеть ее ушком.

– Что-то ты уж больно радуешься отъезду, – изобразил я ревнивого братца. – Признавайся: «А был ли мальчик?»

– Говоришь, что попало! – вспыхнула сестренка, но поникла и прижалась ко мне. – Я не знаю, был ли... – призналась она шепотом. – Или есть. Или будет...

– Будет обязательно! – ухмыльнулся братец. – Мимо таких девчонок, как ты, мальчишки не проходят. Тянет их...

Настя потерлась щекой о мое плечо, и вздохнула, косясь на маму.

– Не был точно, – тихонько проговорила она. – А вот есть ли? Его... Слава зовут. Он из того класса, что в Праге... И что будет, я не знаю...

Сестричка совсем увяла, а я притиснул ее.

– Ты только не спеши узнать, – шепнул в мягонькое ушко. – Ладно? Всё будет во благовремени...

– Ладно, – мурлыкнула Настя, подлащиваясь. – Понимаю же всё, ты не думай...

Я чмокнул ее в щечку, бархатистую, как у дитенка.

– Чего вы там шушукаетесь, чада мои? – звонко окликнула мама.

– Чадим потихоньку, – хихикнула Гарина-младшая. – А

давайте за Мишечку выпьем? Чуть-чуть, мамулечка! А то он опять один остаётся... хоть и вдвоем!

Рита ответила ей голливудской улыбкой, а Гарина-старшая воскликнула:

– А давайте! Мишечка, за тебя! – изрядно отхлебнув, она заговорщицки подмигнула: – И когда же вы... ну, чтобы втроем?

Гарина-средняя мило покраснела, а Настя вступилась за меня.

– Мам, не спеши в бабушки! Всё будет во благовремени!

Вечер того же дня

Москва, переулок Сивцев Вражек

Накрапывал дождик. Мелкие иголочки мороси опадали, шатаясь рваными паутинками в свете фонарей. Сырая и опасная темнота скрадывала движение, хотя Гоголевский бульвар был пустынен, лишь в далекой и мутной перспективе отблескивал одинокий зонт.

«И плащ черный, и «Волга», – подбадривал себя Густов, – заметить трудно!»

Нерешительно выйдя из-за старого клена, Иван Степанович потрогал зачем-то мокрую, ребристую кору, и перешагнул литую решетку. Машину он оставил на углу переулка со старорежимным названием Сивцев Вражек, возле стеклянного зданья салона-парикмахерской.

Ноги слушались плохо, а стыдная слабина в коленках отзывалась усталым раздражением. Проклятая профессия...

Изнывая от страха, Густов обошел «Волгу» и неуклюже залез на водительское сиденье – беззащитная спина задубела. Вот-вот эту широкую, малость сутулую мишень провертит пуля – горяченькая, только что выпущенная из ствола с глушителем...

Захлопнув дверцу, Иван Степанович повернул ключ. Motor раскрутился сразу, пряча за бойким тарактеньем все ночные шумы.

– Ну, кончай... – выцедил Густов. – Хватит тут дохлую медузу изображать!

Перещелкнув рычажок, он тронулся. В приплясывающих отсветах фар блеснул влажный асфальт и сыпались росчерки капель. Зеркальца отражали пустоту.

Притормозив, Иван Степанович свернул к «генеральскому» дому, и снял трубку телефона «Алтай». Палец, испачканный чернилами, набрал номер. Щелчок... Гудок...

Облизав губы, Густов длинно выдохнул.

– Алло? – глуховатый голос Генерального секретаря слышался из трубки, пугая обреченностью. Назад дороги нет...

– Здравствуйте, товарищ Брежнев! – заторопился Иван Степанович. Представившись, он вытолкнул: – Товарищ Пельше приболел, и я, как первый заместитель, работал с сотрудниками оперотдела КПК... В общем... Леонид Ильич, я

должен доложить вам лично!

В трубке помолчали, а затем провод донес ворчливое:

– Хорошо, подъезжайте... Я сейчас на даче.

– Спасибо! До свиданья!

Ощущая, как валится с плеч тягота, Густов повеселел.

– Всё будет о`кей, как говорит вероятный противник! – бормотал он, задавливая в себе нервное хихиканье. Ерзя, зампредседателя КПК не углядел тусклый накал чужих подфарников и переливы бликующего лака на встрече.

Пуля пробила ночь, оставляя аккуратную круглую дырочку на ветровом стекле, и с мерзким чмоканьем вонзилась в тело.

Суббота, 29 октября. День

Москва, улица Малая Бронная

Гулкие пятиметровые потолки, чудилось, притягивали к себе эхо – те так и кружились вокруг огромной люстры. Когда ее включали, сверкающие понизи граненых стекляшек дробили свет, рассыпая его по дверцам громадных книжных шкафов, по резным спинкам деревянных диванчиков и кресел, по мохнатой пальме в кадке, льнущей к высокому арочному окну.

– ...Такие, как мы, вовсе не уникальны, Миша, не уродцы какие-нибудь из тупиковой ветви, – рассуждал Игорь Максимович, затягивая пояс стеганного халата. – В тупик зашли

гориллы или вымершие гигантопитеки, чьи пути развития заузались до полного останова. А мы с вами – продукты эволюции! Наш мозг то ли вышел за обычные пределы, то ли как раз достиг их, и сколько нас вообще, «продуктов», толком никто не знает. Пять-десять «хомо новусов» на всё человечество... Ну, может, пятнадцать, от силы. Хм... Забавно звучит: «Пятнадцать от Силы»!

Я улыбнулся – наставник любил называть энергию мозга Силой. Именно так, с большой буквы, как джедаи.

– Скорей всего, и Христос – из нашей компании... – задумчиво проговорил Игорь Максимович. – Егошуа Га-Ноцри. Впрочем, фактов – с воробынуню погадку, а вот мути...

– Расскажи-ите! – заныл я, и Котов смилостивился. Он любил отвлечься, мимоходом раскрывая волнующие загадки.

– Ну, история, вообще-то, занятна... – глаза наставника заволокло нездешним светом. – Жил-был во времена императора Тиберия некий Иуда из Галилеи, раввин и, как говорят большевики, «пламенный революционер». Беспощадного к римлянам, иудеи считали его героем и чуть ли в цари не прочили. А прозывали Галилеянина всё чаще и чаще «Спасителем», то есть, «Христом», если по-эллински. Хотя греков Иуда тоже не жаловал. И было у него два старших сына, но оба погибли. Сгинул и сам Галилеянин, а вот жена его Мария, в ту пору беременная, спаслась от преследований Ирода, бежав в Бейт-Лехем, где и родился младшень-

кий, Егошуа. Иисус. Мария стала жить с Иосифом, а Иисус, как это бывает с детьми, сильно невзлюбил свою мать, сочтя ее предательницей. Он преклонялся перед отцом, и больше всего хотел походить на него. Потому и назвался Иисус Бар-Авва. Неизвестно, владел ли Силой Иезекия, дед Бар-Аввы, но вот сам Егошуа прославился, как великий целитель. Евангелия кое о чем сообщают, но напускают при этом мистического тумана, глупой путаницы и откровенного вранья. Однако сыну Галилеянина все же повезло в жизни. Вспомните евангелия! Ведь к распятию на Голгофе приговорили двоих Иисусов – некоего Христа и Варавву!

– Бар-Авву! – догадался я.

– Именно! И все вступились за врачавателя, сына Иуды Христа Галилеянина! Представляю, как он шагал среди расступавшейся толпы, по воле ее избежавший казни, а вела Иисуса счастливая жена его, Мария из Магдалы... Ну, а сто лет спустя невежественные эллины «отредактировали» рассказ об Егошуа, вымарав из текста одно, вписав другое, присочинив третье... Люди есть люди!

– Интересно... – затянул я. – Очень интересно... Значит, никакого воскрешения не было?

Котов крякнул, приседая на диванчик.

– Тут, Миша, сложность... Может, и сохранились какие-то документы той эпохи, но где ж их сейчас найдешь? Разве что в хранилищах Ватикана... А что касается воскрешения... Все знают, что мозг живет не дольше шести минут,

после чего гибнет. Тело и пару дней протянет, а вот наши «маленькие серые клеточки»... Увы! – Игорь Максимович развел руками, и скосил глаза на часы, сверкнувшие из-под манжеты. – Однако, заболтались мы! Ну-ка, повторим вчерашние упражнения.

Я нащупал задницей кресло, поерзал и утвердился.

– Ладони вместе, перед собой... Половина энергии мозга целителя теряется именно через руки, не забывайте! – строго предупредил наставник. – И не спешите! Сначала – «прогон».

Покивав, я закрыл глаза, привычно «закукливаясь» и шаря по телу, прислушиваясь к себе.

Раздуваются и опадают розовые легкие... Толкается по венам алая кровь... Стакан кефира путешествует по двенадцатиперстной, насыщая «родимую» микробиоту... Копит живительный сок простата...

– Всё идет штатно, – улыбка растянула мои губы в дурашливой конфигурации.

Вечер того же дня

Зеленоград, аллея Лесные Пруды

– Ты совершенно не сдержан, – воркующе пригвоздила меня Рита, ложась сверху и выгибая спину. Тугая, налитая грудь покачивалась прямо передо мной, дразня и маня.

Естественно, я снова поддался, хватая губами отвердев-

ший сосок и вмяная рот в приятную округлость.

– Будешь тут волевым, – забурчал, отпыхиваясь. – Додумалась тоже – голой танцевать! Что я тебе, каменный идол на кургане?

Засмеявшись, девушка нагнулась и поцеловала меня.

– Я больше не буду!

– Я тебе дам – не буду...

– Это на меня так квартира ваша действует. Сколько раз уже! Прихожу, и сразу хочется всё поскидывать с себя, ощутить... не знаю, как сказать... шальную волю, что ли? Ничего тебя не сковывает, никакие резинки не давят... И сразу тянет танцевать, чтобы воздух обвевал везде-везде... А ты сразу набрасываешься, и тащишь!

– Да-а! – самодовольно ухмыльнулся я. – Хватательный рефлекс у меня с детства развит!

А лицо Ритино дрогнуло внезапно, девушка легонько прижалась ко мне и вымолвила невнятно:

– Я люблю тебя...

И суетное начало во мне как-то сразу угомонилось, опало, размываясь в приливе нежности, как песок под набегом волны.

– И я тебя.

Я огладил девичью спину, дотягиваясь до загиба талии, ощущая под рукою упругую выпуклость ягодицы, но правило мною не вожделение, а поклонение женщине. Приправленное, чего уж греха таить, кружащим голову сознанием –

вся эта безупречнейшая, великолепнейшая красота принадлежит мне одному!

Блаженно улыбаясь, я вспомнил, как мама давеча, слегка распутившись от хмельных паров, сказала Рите, игриво поглядывая в мою сторону: «А ты стала еще красивее с лета!»

Так еще бы, столько заниматься...

Воскресенье, 30 октября. День

Москва, улица Горького

Покидая кинотеатр «Россия», Альбина оглянулась на гигантскую афишу. Холст поддувался ветром, и мерещилось, что великанское лицо Бельмондо гримасничает.

– Ничего, так, фильмец, – снисходительно выразился Динавицер.

– Ой, Изя, ты как скажешь! – поморщилась Ефимова.

– А чё? Да не, нормально! Только почему – «Частный детектив»? Я читал, там другое название – то ли «Охотник», то ли «Наводчик»... – Изя с удовольствием процитировал Роже Пиляра: – «Кофе, рюмку ликера и сигару!» И еще там музыка – ничего, так...

– Да, музыка мне тоже понравилась... – медленно проговорила Альбина. – То тревожная, то щемящая...

– Надо запомнить этот час, и отмечать каждый год! – замерев на месте, торжественно провозгласил Динавицер.

– Ты о чем, вообще? – не поняла девушка, вскидывая

бровки.

– В этот день, – прочувствовано молвил ее спутник, – Алечка согласилась с моим мнением!

– Ой, да ну тебя... – решив поначалу надуться, Альбина передумала, и буркнула: – Турок...

– Да правда! Ты до того привыкла считать меня непутёвым, что уже не воспринимаешь всерьез! Вот, ты как будто выросла, повзрослела, а я так и остался в восьмом классе...

– А что, не так? – оцетинилась Ефимова. – Вечно ты меня ставишь в неловкое положение своими выходками! Я даже в гостях не могу расслабиться – сижу в напряжении, и жду, чего ты опять отчебучишь! А ты только улыбаешься, будто смеешься надо мной! Вот, как сейчас! Ну что, что я такого смешного сказала?

– Ничего! – поспешно заверил ее Изя, внезапно переставая походить на себя, ибо натянул серьезное выражение. – Алечка, я никогда – слышишь? – никогда над тобой не смеялся. Ну да, улыбаюсь по-дурацки! Просто морда такая, что я с ней поделаю... Но не насмехаюсь, Аль! Просто радуюсь.

– Чему? – настороженно буркнула Альбина.

– Тому, что ты у меня есть, а я – у тебя, – проникновенно выговорил Динавицер. – Что люблю тебя, а ты... ну, хоть чуточку – меня.

– Турок... – печально вздохнула Ефимова, наперекор себе ощущая внутри прилив нежной теплоты. – Поцелуй меня.

Изя с удовольствием, но и с привычным трепетом испол-

нил девичий приказ.

– Пошли, горе мое... – смутно улыбаясь, девушка взяла парня под ручку.

– Луковое! – поддакнул Динавицер. – А куда идем?

– Туда! – махнула Аля в сторону Красной площади. – Мороженого хочу!

* * *

«Лиру», «Север», «Московское» и прочие заведения парочка пропустила мимо – то очередь, то просто неохота. Они не настолько нагуляли аппетит, чтобы заказывать цыпленка-табака на двоих – в «Птице», что в пределах «Арагви», изыск из солнечной Грузии был вполне по карману студентам. Однако душа требовала не сытного, а сладкого.

Кафе «Космос» приятно порадовало – никого почти! Швейцар проводил их скучным, тоскующим взглядом большой собаки, и Аля с Изей поднялись на второй этаж, в полупустой зал, отделанный россыпями стеклянных шариков. Чудеса продолжались – нарядная официантка, вся в чистеньком и накрахмаленном, материализовалась тут же.

– Что будете заказывать?

Изя шикарным жестом достал синюю пятерку.

– Два «Шампань-коблер»... – важно завел он.

– Я не буду, – перебила его Ефимова.

– ...Один «Шампань-коблер», – скорректировался Дина-

вицер, – и мороженое... Ты что будешь?

– «Солнышко».

– А мне – «Марс»!

Двое не успели как следует помолчать, а высокий стакан с коктейлем уже опустился на салфетку. Рядом встали две креманки с оплывающими шариками мороженого – в одной растекалось яркое варенье, в другой вбирал свет шоколад.

Изя тут же приложился к соломинке – и закатил глаза, демонстрируя верхи блаженства.

– Дай попробовать, – поерзав, заворчала Аля.

Ухмыльнувшись, Динавицер подвинул стакан девушке. Церемонно отставив мизинчик, Альбина втянула прохладную смесь, горячившую горло.

– Ничего, так, – вынесла она оценку, улыбаясь, словно шампанское, взбитое с коньяком и ликером, «отпустили» ее, как закаленную сталь.

Смягчась, девушка стрельнула глазками по сторонам, словно выбирая жертву.

Студентов прибывало – уже половина столиков занята болтающими и щебечущими, шутящими и смеющимися компаниями. Ефимова вглядывалась в лица посетителей модного кафе, угадывая, кто они, но понимала, что внешность обманчива. Вон тот серьезный парень в очках мог быть студентом-математиком... Или молодым рабочим с АЗЛК. А вон та смешливая девушка в модном костюмчике... Кто она? Актрисулька из ГИТИСа? Или продавщица гастроно-

ма?

Альбина дремотно улыбнулась, переведя взгляд за окно. По улице вверх и вниз катились «Волги» – оливковые с шашечками и черные персоналки; «Икарусы» – желтые, что снуют от остановки к остановке, и красные с белым, возившие гостей города или туристов. Мелькали «Жигули», сновали «Вартбурги», важно рассекали правительственные «Чайки» или громадные лимузины с дипломатическими номерами.

Машины своим фырканием или утробным ворчанием словно озвучивали пульс большого города.

«Правильно мы сделали, что Мишу послушались! – подумала Ефимова, чуя прилив жизнелюбия. – Страшно было, но поступили же! И теперь вокруг – Москва...»

– Ой, Изя... – томно вздохнула девушка. – Будь другом, закажи еще один коктейль. Я с тобой поделюсь!

Глава 4.

Вторник, 1 ноября. Утро

Москва, Кремль

– Обстановка в Польше сложная и напряженная, – рокотал Устинов, ослабляя душивший его галстук. – Воду мутят профсоюзы да попы. Особенно стараются тамошние кардиналы – Стефан Вышиньский в самой ПНР, и Кароль Войты-

ла – в Ватикане. Американцы с немцами подняли шумиху в прессе, шлют в Варшаву, Гданьск и Краков эмиссаров с че-моданами долларов и злотых... В общем, по-всякому раскачивают ситуацию.

Брежнев насупил мохнатые брови.

– Подключить Варшавский договор и ввести войска? – медленно и ворчливо проговорил он, рассуждая вслух. – И подавить контрреволюцию?

Министр обороны покачал головой, выдавая хмурое беспокойство.

– Это крайнее средство. Последнее средство. С ним я бы обождал, – шумно вздохнув, он продолжил: – Нет, если что, Северная группа войск в полной боевой готовности. Разработан даже план действий с участием пятнадцати наших дивизий, двух из ГДР и одной чехословацкой. Но Польша – это Польша. По расчетам аналитиков, нам, чтобы установить эффективный контроль надо всей территорией ПНР, потребуются не пятнадцать, а тридцать, если не все сорок пять дивизий! Вполне может начаться партизанская война, и тогда дело дойдет до большой крови.

– Этого допустить никак нельзя, – забрюзжал Брежнев, кривя рот. Поправив «рогатые часы», он встал и прошелся по кабинету. – Но социалистическую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим! Что скажете, Алексей Николаевич?

Косыгин, имея мрачный вид, покачивал кожаной папкой,

набитой бумагами.

– Скажу, что ситуация, конечно, сложная, – встрепенулся он, – но мы взяли ее под контроль. А как только положение трудящихся в Польше улучшится, начнется спад протестного движения. Ведь главное в том, что поляки хотят больше социализма! И это хорошо, это славно. С провокаторами, с клерикалами, с предателями и вражескими агентами надо действовать жестко, тут вопроса нет, а люди просто хотят жить! Нормально жить – растить детей, работать, учиться...

Генеральный секретарь, щурясь, глядел на зеленую крышу Арсенала, припудренную ночной порошей. Снега выпало чуть, да и тот размело ветром. Но серые тучи зависли над городом, нагоняя тень, и даже звезда на Троицкой башне утратила блеск.

– Ваши предложения? – разлепил Брежнев губы, гадая, ждать ли осадков к пятнице. На белой глади следы, как буквы, а в Завидово есть, что «почитать»...

– Прежде всего, не допустить роста цен, – деловито заговорил председатель Совета Министров. – Поставки продовольствия в Польшу мы обеспечим, конечно, но не за наш счет. Горе-стратеги из ПОРП назанимали кредитов на полмиллиарда долларов, понастроили кучу заводов, а вот на основной вопрос – куда девать продукцию? – так и не ответили. Хотели сбывать европейцам! Размечтались... – хмыкнул он. – На Западе и своих товаров полно, девать некуда. А вот мы польский ширпотреб возьмем! Разместим заказы. Выда-

дим кредиты. Организуем совместные производства. Короче говоря, привяжем к себе Польшу прочнейшими экономическими связями! Как Америка – Канаду. Ну или, там, Мексику... Кстати, вот вам живой пример – ни один польский рабочий, устроенный в филиале нашего «КамАЗа» в Щецине, не участвовал в демонстрациях, а их там трудится больше четырех тысяч, да как бы не все пять! Понимаете, товарищи? Люди дорожат своими рабочими местами!

– Это хорошо, да... – покивал генсек, не замечая, что повторяет за Косыгиным, – это славно... Ну, раз задачи ясны... За работу, товарищи!

Хлопнула дверь. По опустевшему кабинету загуляло эхо, и унялось. Брежнев усмехнулся, поймав себя на том, что ступает мягко, лишь бы не спугнуть боязливую тишину.

«А толку?» – мелькнуло у него, стоило услышать щелчок замка.

Дубовая створка приоткрылась, и личный секретарь прошелестел:

– К вам товарищи Андропов и... э-э... Гарин.

– Да, да, Коля! – браво откликнулся хозяин кабинета. – Приглашай!

Первым порог кабинета перешагнул глава КГБ, а за ним пожаловал и «Хилер», он же «Ностромо». В черных джинсах и синем клубном пиджаке Миша выглядел заезжим плейбоем, лишь обычная фланелевая рубашка выбивалась из стиля. Высокий, спортивный, с лицом узким и невозмутимым,

Гарин оглядывал объект «Высота» со спокойным любопытством.

– О, какие люди! – посмеиваясь, Брежнев пожал руки гостям.

– Здравствуйте, Леонид Ильич, – бегло улыбнулся Михаил. Ладонь его была сухой и крепкой.

– Проходите, проходите, Миша... Юра, что с Густовым?

– Пока в реанимации, – свел брови Андропов. – Положение тяжелое, но стабильное. И когда Ивана Степановича можно будет порасспросить, неясно. Я разговаривал с Пономаревым, звонил товарищу Пельше... Арвид Янович согласился даже на мою встречу с начальником оперотдела КПК, но смысла в этом немного. Если Густов подозревает кого-то из оперативников, то без него самого мы мало что узнаем.

– Пожалуй... – проворчал генсек. – Значит, будем ждать, когда Иван Степаныч оклемается. Миша!

Гарин, корректно отошедший к окну, приблизился, и Брежнев снова ощутил легкую тревогу – взгляд у этого молодого человека явно не соответствовал возрасту. Обычно Мишины глаза излучали сдержанность и легкую иронию, что само по себе не свойственно второкурснику, но вот порой в его зрачках раскрывалась пугающая черная глубина, и тут уж приходилось гадать, отражение чего именно ты уловил – холодной беспощадности или застарелой печали.

– Миша, – повторил генеральный, глядя чуток в сторону, – на днях мы говорили о вас с Михаилом Андреевичем...

Что вы большой талант во всех этих электронно-вычислительных делах, я уже понял, хотя сам, если честно, и диод от триода не отличу, хе-хе... Но в вас дремлют и немалые организаторские способности. Объединить молодежь, направить ее энергию на благо страны – это надо уметь. И вы сумели-таки! Сам убедился, лежа в этом... как его... томографе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.